

Виликотская Л.А., канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского филиала Московского государственного института стали и сплавов

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОБЩИХ ЧЕРТ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Н.Н. СТРАХОВА И П.Е. АСТАФЬЕВА

К сожалению, так складываются судьбы многих наших мыслителей и писателей, что они должны выдержать сначала «замалчивание», игнорирование, забвение, прежде чем дождутся своего времени. Так было с Киреевским, Хомяковым, Аксаковыми, Самариним, Данилевским, Леонтьевым. Так произошло и с двумя нашими земляками (оба родились на территории нынешней Белгородской области) – Страховым и Астафьевым. Некоторые из наиболее прозорливых современников признавали истинное значение трудов Н.Н. Страхова (1828–1896) для всякого русского читателя, желающего сделать первый шаг к самостоятельному мышлению. Л.А. Тихомиров признавал: «Петр Евгеньевич Астафьев, как писатель-философ, принадлежал к числу самых оригинальных». Сравнительный анализ Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева (1846–1893) существенен в том отношении, что все писавшие о Страхове анализировали главным образом литературно-критические и историко-философские аспекты его мысли. Именно в сравнении с Астафьевым вскрывается основная антропологическая часть учения Страхова. Что касается философии в целом у этих двух соотечественников и современников, то ей, как и всей русской мысли, было чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Построение систем казалось обоим делом второстепенным по сравнению с выяснением важных вопросов и анализом понятий. К тому же философия у них неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в форме полемических очерков, публицистики, литературной критики.

Поражает параллелизм духовных

поисков интересующих нас мыслителей. Хотя оба были по-настоящему увлечены конкретными науками (Страхов – естествознанием, Астафьев – психологией), философия стала их подлинным призванием, а смысложизненные и общемировоззренческие вопросы рассматривались как наиболее насущные и предпочтительные. Каждый по-своему пытался примирить начала научного реализма и религии. Проблему человека как Страхов, так и Астафьев считали одной из главных для себя.

Эвристический смысл их философии состоит в том, что в ней предпринимается разностороннее постижение человека: его сущность, соотношение в нём материального и духовного, содержание человеческой жизни, роль национальных и общечеловеческих начал в становлении личности, значение разума, чувств и воли в душевной жизни, соотношение Бога и человека.

По мысли Н.Н. Страхова, человек есть существо, прежде всего, органическое. Но в качестве такового он отличается от всех других животных своей высшей духовной природой, благодаря которой обретает высшее, таинственное начало и создаёт свой особый человеческий мир. При объяснении жизни животных Страхов использует определения – «инстинктивный», слепой, бессознательный. Животные высокоразвитые одарены не только хорошим зрением, но и сильною душевную жизнью; мозг и глаз у них подвергаются наименьшим колебаниям в величине. Что такое душа человеческая? Некоторых учёных вполне устраивала формула: животное + разум = человек. Но только не Страхова, поскольку он отвергал арифметический подход как к миру,

так и к человеку. Философ совершенно прав, утверждая: «Ничто в мире не складывается арифметически, ничто не представляет простой суммы; напротив, единства в существующем так сказать больше, чем отдельности...» (1). Материальное и духовное в конкретном человеке даны в единстве. И вовсе не стоит сводить одно к другому. Философ отдал немало сил и времени полемике со спиритуалистами, смешивающими духовное и материальное. Духовная и душевная жизнь человека является областью непознаваемой, «тьмой», закрытой от чужого глаза в «сравнении со светлым миром вещественной природы».

П.Е. Астафьев, напротив, не отрицает возможности познания душевной жизни. И в этом отношении особо надо подчеркнуть антитезу Страхова и Астафьева, замечавшего, что вопросы об отношении души к телу, о природе души не только спорные, но и слишком тесно связанные с разноречащими метафизическими системами. Основываясь на несомненном, с точки зрения науки, рассмотрении одних лишь как функции других: «дух и тело – одно и то же существо с двух различных точек зрения: внешней и внутренней» (2), он поясняет, что внутренняя точка зрения (дух) и внешняя (тело) не покрывают одна другую ни по своему объёму, ни по своему значению. Огромная разница между ними для философа очевидна: внешнее дано во внутреннем и через него. Наше сознание или вообще ничего не знает, или знает что-либо, но тогда знает прежде всего самого себя, собственную переживаемую им жизнь – считает Астафьев. И достигается оно путём непосредственного наблюдения. Без самосознания для философа нет личности.

Оба мыслителя неоднократно подчёркивали: человек представляет собой не только познающее, но и нравственное существо. И от решения нравственных вопросов зависит благополучие и счастье человеческой жизни. Только тот человек может понять силу и различные степени нравственных учений прошлого, кто «сам высоко поднялся в нравственной жизни». Иначе они останутся в его глазах мёртвою

буквою. Высота общего уровня, до которого мы можем подняться в понимании чужой жизни, определяется нашей собственной высотой. Здесь вновь прослеживается определённая параллель Страхова с Астафьевым. Оппонируя Ренану, утверждавшему, что нравственное превосходство бывает лишь следствием благоприятных условий, Страхов говорит: «Нравственное превосходство меньше всего другого зависит от образования, происходит от других обстоятельств. Высшая степень его бывает доступна самым худородным, бедным и необразованным людям» (4). Более того, лучшие людские души, вероятно, те, которые сохранили свою красоту в себе самих, чуждаясь желания выставить её на вид и даже не подозревая, как они прекрасны. Также кардинально важно указание на то, что нравственное, религиозное, научное в человеке не должно подчиняться эстетическому началу. В отличие от В. Розанова, который высоко ценил эстетичность К.Н. Леонтьева, Страхов был убеждён, что в случае преобладания эстетического начала над всеми другими сторонами душевной жизни человека «самые высокие предметы (включая патриотизм)» оказываются в таком случае подчиненными «самым низменным стремлениям, развратной жажде наслаждения и услаждения себя». Его всегда искренне возмущало нравственное уродство (термин Страхова) Леонтьева, кн. Мещерского, Апухтина и других, для которых религия превращалась в «сладострастную борьбу между грехом и страхом» (слова арх. Антония), а патриотизм – в мечтания об аристократии, о всякой власти и гордости. Центральное место в жизни сердца Астафьев отводит нравственным чувствам, в особенности – любви. Именно с ней связаны самые глубокие, воспитательные, облагораживающие душевные волнения и интересы жизни. В очерке «Чувство как нравственное начало» (М., 1886) он пишет: «Любим мы не от нашей нищеты и скудости, но от полноты и богатства собственной внутренней жизни...» (3). В отношениях, созданных любовью, человек доходит до высочайшей степени самосознания и сознания ценности своего бытия.

В этом состоит величайшее и ничем незаменимое воспитательное значение любви и создаваемых ею отношений.

Ещё одним пунктом, в котором сближается антропология Страхова и Астафьева, является понимание процесса развития человека. Отмечая таинственный и бесконечно удивительный характер этого процесса, Страхов утверждает наличие известной аналогии между развитием отдельного человека и народом, государством. Полное человеческое развитие философ делит на два периода: человек сначала живёт, а потом понимает свою жизнь. В этом смысле его с полным основанием можно назвать предтечей экзистенциализма XX века, различающего существование и сущность в жизни человека. Анализируя многочисленные влияния на развитие человека, Страхов приходит к выводу: чем больше различных влияний, тем сильнее самостоятельность человека. Развитие идёт совершенно самостоятельно. Всё, что в нём развивается, развивается вполне самобытно, «а не производится природой». Вместе с тем Страхов был далёк от недооценки роли внешних обстоятельств жизни. Объясняя разницу в характерах отдельных людей и свойств целых народов, философ признаёт: «...эти различия суть видоизменения, допускаемые одною и тою же сущностью; ...существенная основа у всех людей *одна и та же*, но они развиваются различно, под различными обстоятельствами и оттого получают различные свойства» (4).

Астафьев считает, что общество и люди представляют собой живые организмы; развитие каждого отдельного человека есть результат влияний двух различных факторов – внешней среды и свойств самого живущего в ней существа. Если иметь в виду лишь первый, то «настоящей» природы нигде и ни у чего вовсе нет. Если же жизнь и развитие понимать как результат взаимодействия обоих факторов, то такое приспособление внутренних отношений существа к внешним отношениям среды одинаково определяется и условиями среды и воспитания, и свойствами живущего в ней человека. Исходя из примата внутренней жизни, сознания и самосознания субъекта, Астафьев

неоднократно подчёркивал положение: лишь то усваивается человеком глубоко и основательно, что находит живой отклик в его душе. Как философа и психолога его больше интересуют развитие душевной жизни человека, соотношение сознательного и бессознательного в ней. Осмысливая эти процессы, он утверждает, что переход к высшим и сложнейшим формам деятельности возможен потому, что самые простые и низшие сферы душевной жизни по мере их многочисленного повторения (например, ходьба, одевание, обувание и т.д.) становятся привычными, автоматизируются, вытесняются на периферию этой жизни, постепенно становятся бессознательными. Благодаря чему развиваются высшие сферы и способы деятельности. «В своих привычках, автоматических и бессознательных способах деятельности, навсегда *закрепляющих* для души её предшествующие, уже пережитые работы и интересы, эта душа создаёт себе и могущественнейшее средство для дальнейших, несравненно более сложных и одухотворённых работ, которые были бы неосуществимы без помощи тех готовых механизмов, *психических машин ...*» (5). Но в то же время это создаёт и некоторые внутренние пределы, в какие замыкается жизнь сознающего себя субъекта, ограниченного этими «окаменелыми» (выражение В. Вундта) бессознательными следами его бывшей сознательной жизни. Изучение субъективной психической жизни приводит Астафьева к выводу о том, что она своим собственным развитием производит не одни только идеальные состояния интеллекта и представления, но и свою собственную, уже не психическую, а бессознательную внешнюю ей природу. Без этой автоматизации низших, элементарных работ наша душа никогда бы не возвысилась до высших форм и задач, вечно «осталась бы на ступени смутного полусна зародыша». Отсюда философ выводит и связи между различными отдельными внутренними мирами, и их развитие. Он также замечает, что мышление животных, детей, дикарей и людей, лишённых всякого развития, остаётся на ступени субъективного знания ради только практических нужд.

Оба философа могли бы подписаться под таким утверждением: человек может развиваться, если «развивает сам себя». Воспитание и образование дают лишь возможность для этого, но сами «не производят развития». Попробуем доказать это. В статье «Обучение народа» Страхов пишет: «Ум не может быть приведён в действие чисто механически, одними внешними возбуждениями или побуждениями. Настоящим образом он начинает действовать лишь тогда, когда имеет к тому свой собственный *внутренний* интерес...» (6). Итак, ученик вовсе не пустой сосуд, в котором учитель строит и образует понятия, а «живое существо, самостоятельно развивающееся, и от нас требуется давать ему то, на что у него есть требование, а не то, что мы хотим». То, что само растёт в душе, то одно живо и сильно, нужно только следить за этим ростом и им пользоваться. Не педагоги, а умственная культура народа, его потребности определяют предметы обучения. Главная же потребность педагога – живой такт, который даёт понять, что делается в душе ученика. Поэтому любовь и терпение ему нужны больше, чем проникновение в тайны души.

Приходится констатировать, что у истоков русской религиозной философии, заложившей оригинальную традицию осмысления деятельности, был и П.Е. Астафьев, в концепции которого человек предстаёт в качестве деятельного и творческого существа. В основе духовной жизни человека – воля и чувства. Деятельность, как считает Астафьев, составляет самое существо нашей внутренней жизни и «основное содержание нашего внутреннего опыта», который, в свою очередь, определяет опыт внешний. Философ утверждал, что ни один момент жизни человека невозможен без самостоятельных деятельных усилий: «Самое элементарное состояние сознания, которое мы находим везде, где есть, хотя бы проблеск жизни вообще, есть *самочувствие*, а оно зарождается лишь в *деятельных усилиях*, напряжениях, которых совершающее их существо *не может не чувствовать!*» (7).

Однако было ошибкой полагать,

что образы человека, созданные нашими философами, совершенно идентичны. Особенно это заметно при анализе антропологического идеала того и другого. В концепции Страхова человек, являясь центром мироздания, связывает воедино Божественное начало и природное бытие. Цель мироздания – познание человеком Бога и познание Богом мира на основе синергической связи. Только человек способен осуществлять духовную связь с Богом, так как он представляет собой совершенное из всех живых существ, он одухотворён. Душа человека – это энергия. Бог (Дух) – тоже энергия. Основа живого союза Бога и человека – взаимодействие двух энергий – синергия. В деле богопознания обе стороны соучаствуют. Это подтверждается способностью человека воспринимать воздействие Духа и на этом основании осознавать его существование. Взаимодействие двух энергичных источников – духовных начал Бога и человека – происходит во времени и пространстве, имеет особое значение для мироздания. Процесс богопознания на основе сотворчества Бога и человека – синергии, по мысли Страхова, представляет собой поступательное движение души по трём ступеням нравственного самосовершенствования: справедливости, милосердия, святости. Не употребляя понятия «синергия», Николай Николаевич по существу интуитивно сформулировал суть этого принципа. Дальнейшее развитие синергия получила в сочинениях Н. Бердяева, С. Булгакова, Л. Карсавина, С. Франка, И. Ильина, П. Флоренского, А. Лосева.

Насколько позволяют судить философские и публицистические сочинения Астафьева, он тоже был религиозен, неоднократно, в различных контекстах подчёркивал значимость веры в Бога для мировоззрения и жизни человека. Тем не менее в его антропологической концепции отношения человека и Бога теоретически не прорабатываются, а представление об идеальной личности – это философский ум, напоминающий нам Сократа. Здесь Страхов и Астафьев расходятся в разные стороны.

Подводя итог нашим размышлениям, можно допустить: если в понимании природы человека, роли нравственных

начал в его духовной жизни Страхов и Астафьев во многом близки, то в представлениях о соотношении человека и Бога, в содержании антропологического идеала их позиции отличны. Очевидны как несводимость их мышления друг к другу, так и уникальность. Знание этого важно и для создания адекватного, целостного представления об истории становления самобытной национальной философии и для объективной оценки творчества её ярких представителей.

Список литературы

1. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. – СПб., 1872. – С. 175.

2. *Астафьев П.Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения // *Философия нации и единство мировоззрения.* – М.: Москва, 2000. – С. 483.

3. *Астафьев П.Е.* Чувство как нравственное начало. – М., 1886. – С. 7.

4. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. – СПб., 1872. – С. 478.

5. *Астафьев П.Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения // *Философия нации и единство мировоззрения.* – М.: Москва, 2000. – С. 518.

6. *Страхов Н.Н.* Обучение народа (По поводу статьи «О народном образовании» гр. Л.Н. Толстого в «Отеч. зап.» Сентябрь. 1874) // *Гражданин.* – 1874. – № 50. – С. 1215.

7. *Астафьев П.Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения // *Философия нации и единство мировоззрения.* – М.: Москва, 2000. – С. 489.